

К. В. Проничева

Организация русского отдела на Всемирной выставке в Лондоне 1851 г.

Первая Всемирная выставка, или, как ее тогда называли, «Великая выставка промышленных изделий всех стран», состоялась в Лондоне в 1851 г. Ее инициатором стал принц Альберт, который и возглавил специально созданную по этому случаю Королевскую комиссию. Программа выставки предусматривала объединение под одной крышей — крышей Хрустального дворца — лучших произведений сельского хозяйства и промышленности всех стран, для чего и были разосланы приглашения принять участие в выставке иностранным правительствам. Идея промышленной выставки была не нова: первая национальная промышленная выставка состоялась еще в 1798 г. в Париже по инициативе министра внутренних дел Франсуа де Нёшато, в первой половине XIX в. такие промышленные выставки регулярно проходят в ряде европейских стран (в России с 1829 г.). Новым оказался международный аспект: сравнение товаров не фабрикантов одной страны, а разных стран между собой.

Россия получила официальное приглашение принять участие в выставке через чрезвычайного посланника Великобритании при русском дворе лорда Блумфилда в январе 1850 г.¹ Тогда же Николай I повелел министру иностранных дел К. В. Нессельроде, министру финансов Ф. П. Вронченко и министру государственных имуществ П. Д. Киселеву «вступить в сношение <...> для соглашения начал и порядка принятия участия в сем деле»². Чуть

позднее, в своей депеше от 13/25 февраля 1850 г., посланник России в Лондоне Ф. И. Бруннов сообщал канцлеру К. В. Нессельроде: «В прошлую среду на приеме при дворе Его Королевское Высочество (Принц Альберт. — К. П.) выразил мне пожелание, чтобы промышленные изделия России не остались в стороне от этой всеобщей выставки, открытой для участия всех наций. Перечисляя различные предметы, которые характерны именно для России, Его Высочество принц Альберт назвал наши меха, кожи, огромные зеркала, тульскую сталь, московские шелковые ткани, вытканые золотыми и серебряными нитями, наши малахитовые изделия»³. Ф. И. Бруннов добавляет, что поручил агенту Министерства финансов в Лондоне Г. П. Каменскому собрать подробные сведения о будущей выставке и подготовить рапорт для министра финансов. Несколько дней спустя (19 февраля / 3 марта 1850 г.) поступило донесение о лондонской выставке от агента Министерства финансов в Париже А. И. Бутовского, который писал: «На выставку допускаются и даже приглашаются как мануфактурные, так и земледельческие произведения всех наций Европы и других частей Света. <...> Французское Правительство изъявило намерение отвечать на призыв Англии, и сего 16/28 Февраля по распоряжению Министра Земледелия и Торговли наряжена здесь особенная Комиссия, которой поручено вступить в прямые сношения с Лондонским Комитетом выставки, отобрать сведения о порядке приема иностранных произведений, об удобнейших способах их доставления, и в свое время заняться изучением самой выставки и оценкою ее результатов. Назначены: Председателем сей Комиссии г. Карл Дюпен, бывший Председателем Комитета Парижской выставки 1849 года, а членами некоторые известнейшие ученые и фабриканты, из числа коих многие мне лично знакомы»⁴. Относительно участия в выставке России и предполагаемых экспонатов А. И. Бутовский отметил: «Россия находится в тесных торговых сношениях с Англией и могла бы, кажется, с пользою и честью принять участие в этом конкурсе, открываемом из видов оживления и распространения торговли. Наши сырые продукты славятся в Европе и по большей части не опасаются ничьего соперничества; что же касается Мануфактур, то благодаря неослабным поощрениям и попечениям Правительства, мы можем теперь похвалиться несомненными успехами. Иные из Российских фабрикат рассматриваются даже как первостепенные в общей торговле, таковы, например, парусное и фламское полотна, равендук, мезерицкие сукна, юфть, сафьяны, парчи, газеты. Многие другие изделия могут стать наряду с лучшими иностранными и во всяком случае смело выдерживают сравнение»⁵.

В преддверии обсуждения участия России в лондонской выставке с Нессельроде и Киселевым Ф. П. Вронченко запросил мнение Мануфактурного совета при Департаменте мануфактур и внутренней торговли: члены Совета с конца 1820-х гг. занимались организацией российских мануфактурных (промышленных) выставок и на начало 1850-х гг. провели уже девять. На заседании

от 22 февраля 1850 г. Мануфактурный совет высказался за участие России в выставке: «Совет принял на вид, что предполагаемая в Лондоне всемирная выставка есть дело, касающееся торговых выгод всех народов, и что она вместе с тем должна возбудить соревнование наших мануфактуристов, и, следовательно, послужить поощрением отечественной промышленности, посему весьма желательно оказать Российским фабрикантам возможное содействие, дабы облегчить им способы участвовать в выставке»⁶. Совет также предложил учредить особую комиссию о Лондонской выставке из членов Мануфактурного и Коммерческого советов — по аналогии с комиссиями, которые заведовали организацией российских промышленных выставок, куда могут быть включены и другие лица по усмотрению трех министров.

По аналогии с Ф. П. Вронченко, министр государственных имуществ П. Д. Киселев запросил мнение Ученого комитета Министерства государственных имуществ. Председатель Ученого комитета Э. Е. Лоде, уже узнавший о выставке из иностранных газет, посчитал, что «сельскохозяйственная промышленность России» должна быть «достойным и надлежащим образом» представлена на лондонской выставке, о чем и сообщил Ученому комитету: «Россию так мало еще знают, так ложно понимают и чтят ее силы, богатство, степень ее промышленного развития, что, кажется, не должно упустить этого случая познакомить Европу с настоящим положением в этих отношениях»⁷. На заседании Ученого комитета от 24 января 1850 г. мнение Э. Е. Лоде было включено в текст мнения Комитета. Вслед за Лоде Ученый комитет посчитал, что «как главное богатство нашего, разнообразного произведениями, отечества заключается бесспорно в продуктах сырых и начальных, или во все не обработанных, или находящихся на первой степени обделки, которые все почти принадлежат к области сельской промышленности, будучи плодом или земледелия, или скотоводства, то и участие в предположенной выставке принадлежит преимущественно Министерству Государственных Имуществ <...> и затем уже Министерству Финансов, попечению коего вверена Мануфактурная промышленность России»⁸. Однако, ознакомившись с мнением Мануфактурного совета и с донесениями агентов Министерства финансов в Лондоне и Париже, Ученый комитет изменил свое мнение в пользу паритета между министерствами. «Но при этом — гласит журнал от 7 марта 1850 г., — Комитет имеет единственную целью ознакомить Европу с богатством и степенью развития промышленных сил России, нисколько не помышляя вступить в какое-либо с прочими государствами состязание, ни по предметам наших Мануфактур <...>, ни в произведениях сырых <...>»⁹. Кроме того, Ученый комитет посчитал чересчур дорогой транспортировку в Петербург изделий Новороссийского края, а потому предложил учредить особую Комиссию при Обществе сельского хозяйства Южной России, которая занялась бы отбором лучших местных образцов и отправкой их в Лондон напрямую из Одессы.

Таким образом, и Мануфактурный совет от Министерства финансов, и Ученый комитет от Министерства государственных имуществ высказались за участие России в лондонской выставке, представив свои мнения и рекомендации. Министры взаимно обменялись полученными мнениями и рапортами. 19 марта 1850 г. состоялось совещание К. В. Нессельроде, Ф. П. Вронченко и П. Д. Киселева, по итогам которого был составлен «журнал трех министров». Этот журнал содержит детальное изложение мотивов, по которым, по мнению министров, России следует принять участие в выставке. Прежде всего, министры мало верят в успех русских изделий в Европе: «По состоянию нашей промышленности Комитет трех Министров не предвидит, чтобы высылка произведений наших на Лондонскую выставку могла бы доставить России особенную пользу. На всемирном рынке Отечество наше, покамест, может состязаться с иностранными Государствами почти лишь одними сырыми произведениями. Мануфактурная же промышленность <...> слишком недавно начала развиваться, чтобы вынести соперничество на выставке, где явятся превосходнейшие произведения стран, занимающих первое место в мануфактурном отношении. Если некоторые наши мануфактурные произведения и подойдут по качеству к второстепенным Английским, Бельгийским и Французским, то цена таковых Русских произведений, во многих случаях, будет выше той, по которой продаются лучшие однородные произведения чужих стран»¹⁰. В то же время, указывают министры, несовершенство русской мануфактурной промышленности как раз и стоило бы показать в Лондоне, чтобы «доказать неосновательность упреков, повсеместно повторяемых иностранцами, касательно таможенного нашего тарифа, коего возвышенность вообще приписывается одним только фискальным видам». «Выставленные на суд Европейской публики наши товарные образцы дадут ей верное понятие о настоящем положении нашей промышленности», и «Европа убедится, что отдельно от фискальных расчетов, Правительство наше» действует «из видов справедливого ограждения наших фабрик от соперничества стран, опередивших Россию на Мануфактурном поприще»¹¹. В то же время «ознакомление торгового мира с сырыми нашими произведениями может быть не бесполезно», да и отказ России от участия в Лондонской выставке «был бы неблагоприятен и произвел бы неблагоприятное впечатление на общественное мнение в стране, которая с давних лет есть главная потребительница вывозных наших товаров»¹². В самом деле, в середине XIX в. на Англию приходилось около $\frac{1}{3}$ импорта и $\frac{1}{2}$ экспорта России, при этом «большая часть товарооборота и судоходства находилась в руках английского капитала»¹³. Да и не поспособствовать участию отечественных фабрикантов в лондонской выставке противоречило бы, по мнению министров, нынешней — протекционистской — политике правительства в области промышленности. Далее журнал определял основные положения по участию России в выставке 1851 г.: создание Центральной комиссии в Петербурге

и ее отделения — Южной комиссии — в Одессе, включение в состав комиссий чиновников от Министерства финансов (для отбора промышленных образцов) и от Министерства государственных имуществ (для отбора сельскохозяйственных образцов), назначение председателем Центральной комиссии чиновника, независимого от обоих министерств, отправка экспонатов из Петербурга и Одессы в Лондон за счет казны и др. Для отправки в Лондон следовало отбирать «только лучшие образцы, чтобы не загромоздить выставки предметами низшего достоинства», а потому Центральная и Южная комиссия должны были предварительно осмотреть и отобрать достойные экспонаты. Посредником между Центральной комиссией в Петербурге и Королевской комиссией в Лондоне назначался агент Министерства финансов в Лондоне Г. П. Каменский¹⁴. В заключение министры предлагали сообщить о будущей выставке Министерству императорского двора и уделов, а также Военному и Морскому министерствам, чтобы те могли подготовить экспонаты от казенных фабрик. «Многие из изготавливаемых на оных предметов, — говорится в журнале, — как то: огромные зеркала, великолепные фарфоровые вазы, изящные и разнообразные вещи, выделяемые из яشم и иных твердых камней и проч., конечно, поддержат на Лондонской выставке давно заслуженную ими славу»¹⁵ (эти строки повторяют пожелания принца Альберта из приведенной выше депеши барона Ф. И. Бруннова).

Николай I утвердил «журнал трех министров». Председателем высочайше учрежденной Комиссии о Лондонской выставке был назначен (по предложению Нессельроде) член Государственного совета, экономист и автор таможенного тарифа 1850 г. Л. В. Тенгоборский, а членами Комиссии — со стороны Министерства финансов инженер путей сообщения П. К. Ренненкампф, химик-технолог и академик Петербургской академии наук И. Х. Гамель, медальер и бывший директор технического отделения Экспедиции заготовления государственных бумаг Я. Я. Рейхель и (от Московского отделения Мануфактурного совета) фабрикант Е. Ф. Гучков, а со стороны Министерства государственных имуществ редактор журнала Министерства государственных имуществ А. П. Заблоцкий-Десятовский, председатель Ученого комитета Э. Е. Лоде и лесовод Е. А. Петерсон¹⁶. Кроме того, Киселев поручил участвовать в деятельности комиссии и директору Департамента сельского хозяйства А. И. Левшину. Председатель Комиссии Л. В. Тенгоборский часто отсутствовал, передавая дела П. К. Ренненкампфу, и в феврале 1851 г., по просьбе Ф. П. Вронченко, новым председателем Комиссии был назначен председатель Мануфактурного и Коммерческого советов П. Ф. Брок¹⁷. Таким образом, управление Центральной комиссией по участию России в выставке 1851 г. перешло к Министерству финансов.

Одновременно на заседании Императорского общества сельского хозяйства Южной России в Одессе была составлена Южная комиссия из 21 члена во главе с вице-председателем общества историком и переводчиком Г. И. Соколовым.

В состав Южной комиссии вошел Совет Общества в полном составе (вице-председатель, секретарь и три члена), некоторые действительные члены, а также русские купцы иностранного происхождения, одесские купцы-караимы и два маклера. В частности, членами Южной комиссии стали губернский предводитель Херсонского дворянства М. Д. Канивальский, председатель Попечительского комитета об иностранных поселенцах Южного края России барон Ф. Ф. Розен, редактор газеты «Одесский вестник» А. Г. Тройницкий, одесский городской голова Джеймс Кортацци и др. Четверо из них являлись членами Одесского отделения Коммерческого совета¹⁸.

Центральная комиссия начала свои действия с составления объявлений для оповещения о выставке сельских хозяев и фабрикантов. Объявления рассылались Южной комиссии, губернаторам, управам, различным обществам (ученым, Вольному экономическому и др.), членам-корреспондентам Ученого комитета Министерства государственных имуществ, заводам, фермам и т. д. Председатель Центральной комиссии Л. В. Тенгоборский призывал Южную комиссию тщательно отбирать отправляемые в Лондон экспонаты, а в письме от 6 мая 1850 г. князю М. С. Воронцову — кавказскому наместнику и председателю Общества сельского хозяйства Южной России, подчеркнул, что «в случае отправления произведений Кавказского края чрез посредство Одесской Комиссии, желательно, чтобы были посланы лишь такие произведения, которые в каком-либо отношении могли бы обратить на себя внимание на Лондонской выставке»¹⁹. Сбором изделий Кавказского края занялось, по поручению князя М. С. Воронцова, Кавказское общество сельского хозяйства в Тифлисе. Крайней датой приемки образцов Южной комиссией было объявлено 1 октября 1850 г. (экспонаты должны были прибыть в Лондон до 1 марта 1851 г.), однако образцы от Кавказского общества сельского хозяйства прибыли только 6 ноября. Как сообщал секретарь Южной комиссии, «работая день и ночь, у нас было всего около восьми дней, чтобы осмотреть и оценить предметы, затем их классифицировать, пронумеровать, напечатать этикетки на трех языках и, наконец, взвесить и упаковать»²⁰. 20 ноября 1850 г. пароход с экспонатами Южной комиссии отправился из Одессы в Константинополь, где ящики были погружены на английский пароход «Султан», отправлявшийся в Лондон²¹. Всего от Южной комиссии было отправлено 229 экспонатов. Это были в основном «сырые произведения» и в меньшей степени образцы местных промыслов: полезные ископаемые Новороссии, Бессарабии и Закавказского края (железные руды, мрамор, нефть, каменный уголь и др.), сельскохозяйственные культуры, шелк и шерсть, шкуры животных (тур, барс, тигр, пеликан), женские промыслы Херсонской губернии, традиционные изделия из тканей, оружие (ружья, пашки, кинжалы), конская упряжь, ковры, кожи и ювелирные изделия Нахичевани и Баку²². В сопроводительном письме секретарь Южной комиссии сообщал российскому консулу в Лондоне Е. И. Кремеру: «...что касается ценности экспонатов как таковой, мы, конечно же, далеки от мысли, что они могут

занять видное место на этой изумительной выставке, где столько шедевров всякого рода и вида будут блистать и притягивать взгляды цивилизованного мира». Истинная ценность данных предметов заключалась, по мнению автора письма, в том, что они представляли «первичные плоды земли, которые еще ждут своего усовершенствования и разработки, а также демонстрировали художественные предпочтения, способ обработки и масштабы хозяйств производителей, столь различных по нравам, обычаям, языку и верованиям в зависимости от местности»²³.

В Центральную комиссию в Петербурге экспонаты также поступали с поддержкой. В связи с ранним закрытием навигации конечной датой приема экспонатов было объявлено 31 августа 1850 г., однако к этому времени мало кто успел прислать свои образцы, и прием был продолжен и в конечном счете продлен до 15 декабря — для тех, кто пожелает отправить свои изделия за свой счет сухопутным путем²⁴. 15 сентября на пароходе «Нептун» в Лондон отправилась первая партия: 89 ящиков с экспонатами Кабинета его императорского величества, Петергофской гранильной фабрики, уральских казенных заводов, Александровской мануфактуры, произведениями вице-президента Императорской Академии художеств графа Ф. П. Толстого, изделиями частных фабрикантов (паркет, бумага, хрусталь, табак и др.) и Царства Польского²⁵. В октябре в Лондон отправился еще один пароход. Интересно, что министр императорского двора князь П. М. Волконский лично принял участие в отборе экспонатов: осмотрел кладовые Кабинета, отобрал для выставки одни изделия и отменил отправку предварительно отобранных других²⁶. Кроме того, сам император участвовал в отборе экспонатов. Так, вице-президент Академии художеств граф Ф. П. Толстой предложил показать в Лондоне развитую тогда в России технику гальванопластики (гальванопластическое заведение герцога М. Лейхтенбергского) и отправить в Лондон гальваноконии скульптур «Нимфа, обувая Сатиром» Ставассера и реки Нил. Николай I отказал в отправке скульптуры Нила, которая «нужна в Петербурге», и согласился на отправку «Нимфы и Сатира». 29 августа 1850 г. Николай I осмотрел гальваноконию «Нимфы», специально доставленную в Зимний дворец, «изволил найти <ее> очень дурно и неверно с оригиналом сделанную, <...> и не посылать в Англию»²⁷. Кроме того, Николай I повелел отправить на выставку «представленный пред Пасхою от фабрики мозаичный круглый стол»²⁸ (имеется в виду столик флорентийской мозаики, выполненный на Петергофской гранильной фабрике и принадлежавший императрице Александре Федоровне).

Несмотря на все эти приготовления, барон Ф. И. Бруннов, осмотрев пришедшие из Петербурга и Одессы экспонаты, не смог скрыть своего разочарования. В очередном рапорте канцлеру К. В. Нессельроде от 23 января / 4 февраля 1851 г. Бруннов пишет, что «зарождающаяся русская промышленность» займет на выставке отведенное ей место «без претензий, без чувства соперничества и без обид», как с самого начала и предсказывал канцлер.

В то же время, продолжает Ф. И. Бруннов, «просмотр списков наводит меня на мысль, что если бы время и расстояния позволили, общая совокупность наших изделий могла быть более полной». Посланник отмечает, что в Лондон присланы далеко не лучшие изделия («тульской стали слишком мало», «Москва отправила отрезки парчи, а не цельные полотна, и красота рисунка потерялась»), и даже меха из Кабинета его императорского величества «очень посредственного качества»: «Овчинный тулуп не дает верного представления о кафтане из соболя и черной лисицы, который надеялся заполучить в подарок великий визирь, когда подписывал мирный договор, продиктованный Россией». «В целом, — заключает Ф. И. Бруннов, — <...> меня изумляет, что учреждения в непосредственном ведении нашего Правительства, в частности те, что подчинены Министерству Императорского Двора, проявили гораздо больше рвения, чтобы показать на заграничной выставке успехи нашего хозяйствования и промышленности, чем фабриканты»²⁹. Суждения российского посланника возымели немедленное действие. 9 февраля 1851 г. министр финансов Ф. П. Вронченко обращается к министру императорского двора П. М. Волконскому: «Г. Государственный Канцлер сообщил мне выписку из депеши Российского Посланника в Лондоне, в которой он излагает некоторые замечания о Российских произведениях <...>, и между прочим упоминает, что в числе их вовсе нет дорогих мехов, напр[имер] соболей, чернобурых лисиц, которые могли бы обратить на себя внимание». Кроме того, продолжает Ф. П. Вронченко, мнение Бруннова разделяет и агент Министерства финансов в Лондоне Г. П. Каменский, который помимо мехов просит прислать ковры и скульптуры хотя бы в виде слепков, так как «Английские и Итальянские скульпторы приняли в выставке большое участие». Как следствие Ф. П. Вронченко просит удовлетворить эти ходатайства³⁰. По докладу Волконского, Николай I соглашается на отправку мехов, шкур и гальваноконий двух конных статуй барона Клодта, и князь Волконский вновь отправляется в кладовые Кабинета, где отбирает для отправки в Лондон три вида меха и 44 звериные шкуры. Однако из-за слухов о штрафе, якобы введенном администрацией выставки за позднюю доставку экспонатов, Николай I отменяет отправку и лишь в конце апреля 1851 г., когда известия о штрафе не подтвердились, вновь разрешает отправку мехов и шкур, но без статуй Клодта. И хотя пьедесталы под статуи уже были установлены, а барон Ф. И. Бруннов специально обратился к Волконскому в июне 1851 г. с просьбой ходатайствовать об отправке статуй, Николай I отказал³¹. Последний пароход с экспонатами отправился в Лондон с открытием навигации в начале мая и прибыл в Лондон в конце мая (выставка открылась 1 мая). 7 июня 1851 г. (по новому стилю) русский отдел был открыт в своем окончательном виде. Устройством русского отдела на месте занимались Г. П. Каменский и чиновники Министерства финансов и Министерства государственных имуществ, командированные в Лондон. По просьбе Ф. П. Вронченко, эти чиновники —

член Московского отделения Мануфактурного совета Самойлов и технолог Мануфактурного совета Шерер от Министерства финансов, члены Ученого комитета Лоде и Петерсон и агроном Нотбек от Министерства государственных имуществ, а также Каменский, были приняты «в непосредственное свое заведывание» российским посланником в Лондоне Брунновым, которому следовало оказывать им всяческое покровительство и помощь³². Помимо приемки экспонатов, устройства русского отдела и составления отчета о выставке, чиновники обоих министерств неожиданно для себя приняли участие в работе жюри выставки. Как сообщает канцлеру Нессельроде барон Бруннов 27 апреля / 9 мая 1851 г., Королевская комиссия выделила России квоту из шести членов международного жюри и запросила список лиц у Каменского. Каменский же, не решаясь назначить членов жюри, ожидал такого назначения от министра финансов. Поскольку время шло, список из Петербурга так и не был получен, и Комиссия готовилась назначить членов жюри от России из посторонних лиц, то Бруннов сам назначил членов жюри — из командированных в Лондон чиновников и самого Каменского. Королевская комиссия предоставила России право назначить председателя класса III (сельское хозяйство), и Бруннов выбрал для этого председателя Ученого комитета Лоде³³. И если Лоде оказался на своем месте, то Нотбеку повезло меньше. Агроном так рассказал в одном из писем о своем опыте судейства: «Хотя я был мало подготовлен для того, чтобы быть компетентным членом жюри по классу XVI, т. е. кожи, шорные изделия, конская упряжь, шкуры, меха, перья и конский волос, вице-председателем которого я был назначен, я тем не менее понял важность, которую изделия этого класса представляли для нашей страны и для других стран; <...> могу сказать, что я посвятил все свое внимание вопросам, о которых мне предстояло судить; я окружил себя экспертами, которые оказали мне содействие своими знаниями: а потому я надеюсь, что итоги нашей работы принесли некоторую пользу этой отрасли промышленности»³⁴. Интересно суждение о работе международного жюри лесовода Петерсона, доносившего в Петербург: «...работа 30 отделений присяжных продолжается без единства, без плана, вследствие плохого определения границ каждого отделения. Одни присяжные торопятся, чтобы скорее возвратиться к своим промышленным занятиям, — некоторые даже уехали; другие, преимущественно специально ученые, вдаются в разбирательство вопросов, не имеющих пока еще прямого отношения к промыслам; но несмотря на эти отступления от прямого пути, в числе 270 присяжных больше половины работают усердно и беспристрастно. <...> Самойлов застрял в Висбадене и упустил случай содействовать русским интересам в разборе шерстяных изделий, для которого он назначен присяжным»³⁵.

Помимо чиновников в Лондон были также отправлены «для присмотра за произведениями» мастерской Императорского фарфорового завода Иванов и мастерской Петергофской гранильной фабрики Каковин, в чьи обязанности

входило распаковать порученные им особо ценные экспонаты, обеспечить мелкий ремонт в случае надобности и упаковать их перед отправкой в Россию по окончании выставки³⁶.

Уже в августе 1851 г. был подготовлен отчет о Всемирной выставке чиновниками от Министерства финансов (по четырем отраслям промышленности — хлопчатобумажной, шерстяной, льняной и пеньковой, шелковой) и, после обсуждения с Киселевым, напечатан отдельной брошюрой «для раздачи при Мануфактурном Журнале и Коммерческой Газете и для продажи»³⁷. В декабре 1851 г. был подготовлен, а в мае 1852 г. напечатан в министерском журнале отчет «По обозрению всемирной выставки в с/х отношении» Лоде. Отчет же Петерсона так и не был окончен и опубликован: его первая часть была подготовлена лишь к октябрю 1853 г., для дальнейшей работы требовались справки от членов-корреспондентов из Англии, и, в связи с Крымской войной, а также потому, что данные отчета уже устарели, в мае 1855 г. незаконченный отчет Петерсона был передан в архив Департамента сельского хозяйства.

После закрытия выставки 15 октября (по новому стилю) 1851 г. Центральная комиссия в Петербурге занялась отправкой российских экспонатов из Лондона в Россию вплоть до отдаленных губерний. Кроме того, Комиссия вела учет проданным в Англии экспонатам и пыталась договориться с владельцами о возможности пожертвовать часть изделий ученым обществам и музеям Англии (в целях сокращения расходов по обратной пересылке). На протяжении 1852–1853 гг. Комиссия занималась пересылкой медалей, свидетельств членам-участникам комиссий по участию в лондонской выставке и отчетов жюри. Наконец, в октябре 1853 г. Центральная комиссия закрыла свои действия, передав свой архив в Департамент мануфактур и внутренней торговли (Южная комиссия прекратила свои действия еще в ноябре 1850 г., после отправки экспонатов в Англию).

Следующей Всемирной выставкой, в которой Россия примет участие, станет вторая лондонская 1862 г., а затем инициативу перехватит Франция, позднее США. С небольшими поправками механизм организации русского отдела под эгидой Министерства финансов сохранится до начала XX в.

¹ АВПРИ. Ф. 161. П-3. Оп. 77. 1850 г. Д. 6. Л. 1 – 2 об.

² Там же. Л. 20 – 25 об.

³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1850 г. Д. 69. Л. 147 об.

⁴ РГИА. Ф. 398. Оп. 14. Д. 4772. Л. 20 – 20 об.

⁵ Там же. Л. 20 об.

⁶ Там же. Л. 10 об.

⁷ Там же. Л. 1, 1 об.

⁸ Там же. Л. 3 об. – 4.

- ⁹ Там же. Л. 26.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (Внутр. 8/940). Д. 46. Л. 2 об. — 3 об.
- ¹¹ Там же. Л. 3 об. — 4 об.
- ¹² Там же. Л. 3 об. — 5.
- ¹³ Семенов Л. С. Россия и Англия: Экономические отношения в середине XIX века. Л., 1975. С. 5.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (Внутр. 8/940). Д. 46. Л. 5 об. — 10 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 10 об. — 11.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 588. Л. 41 об.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. 161. II-3. Оп. 77. 1850 г. Д. 6. Л. 82 об. — 83, 126 — 126 об., 135 об., 145 — 145 об.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 1425. Л. 5, 6 — 6 об., 11, 13.
- ¹⁹ Там же. Л. 4.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. 256. Оп. 555/1. Д. 837. Л. 19 об.
- ²¹ Там же. Л. 4 — 4 об., 6 — 6 об.
- ²² Там же. Л. 7 — 18 об.
- ²³ Там же. Л. 19 об., 20.
- ²⁴ АВПРИ. Ф. 161. II-3. Оп. 77. 1850 г. Д. 6. Л. 136 об. — 137 об.
- ²⁵ Там же. Л. 140.
- ²⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 5. Л. 1 — 2 об.
- ²⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (Внутр. 103/940). Д. 46. Л. 27, 37.
- ²⁸ РГИА. Ф. 504. Оп. 1. Ч. 1. Д. 385. Л. 7.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1851 г. Д. 81. Л. 115 об. — 117 об.
- ³⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 98. Л. 1–2.
- ³¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (Внутр. 103/940). Д. 46. Л. 82 — 82 об., 86.
- ³² АВПРИ. Ф. 161. II-3. Оп. 77. 1850 г. Д. 6. Л. 149–150.
- ³³ Там же. Л. 156 об. — 158 об.
- ³⁴ РГИА. Ф. 398. Оп. 15. Д. 4850В. Л. 193 об.
- ³⁵ РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 233. Л. 1, 4.
- ³⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (Внутр. 8/940). Д. 46. Л. 65–66, 70, 74 — 78 об.
- ³⁷ РГИА. Ф. 398. Оп. 15. Д. 4850Б. Л. 359. Сам отчет см.: *Самойлов Л. М., Шерер А. А.* Обзорение Лондонской всемирной выставки по главнейшим отраслям мануфактурной промышленности. СПб., 1852.
- ³⁸ В качестве примера приведу публикации по Всемирной выставке 1851 г., которой посвящена данная статья: *Шапиро А.* Участие России во всемирных выставках XIX и начала XX в. (Тематический обзор архивных материалов) // Архивное дело. 1939. № 1. С. 92–104; *Киняпина Н. С.* Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е годы XIX в.). М., 1968. С. 310–314; *Зарецкая Д. М.* Россия на Всемирной выставке 1851 года // Вопросы истории. 1986. № 7. С. 180–185; *Шнаков В. Н.* Россия на Всемирных выставках. 1851–2000. М., 2000; *Зайцев В. П.* Первые всемирные промышленные выставки в Лондоне // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 188–193; *Swift A.* Russia and the Great Exhibition of 1851: Representations, Perceptions, and a Missed Opportunity // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2007. Bd. 55. Hf. 2. P. 242–263; *Ruby S.* The Crystal Palace Exhibition and Britain's Encounter with Russia // Cross A., ed. *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture.* Cambridge, 2012. P. 89–96.

References

KINYAPINA H. S. *Politika russkogo samoderzhaviya v oblasti promyshlennosti (20–50-e gody XIX v.)* [The politics of Russian autocracy in industry (1820–50s)]. Moscow, 1968.

RUBY S. *The Crystal Palace Exhibition and Britain's Encounter with Russia* // Cross A., ed. *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture*. Cambridge, 2012. P. 89–96.

SEMYONOV L. S. *Rossiya i Angliya: Ekonomicheskie otnosheniya v seredine XIX veka* [Russia and England; Economic relations in the mid-19th century. In Russ.]. Leningrad, 1975.

SHAPIRO A. *Uchastie Rossii vo vsemirnykh vystavkakh XIX i nachala XX v. (Tematicheskii obzor arkhivnykh materialov)* [Participation of Russia in the World's Fairs of the 19th and early 20th century (Thematic review of archival documents). In Russ.] // *Arkhivnoe delo*. 1939. No. 1. P. 92–104.

SHPAKOV V. N. *Rossiya na Vsemirnykh vystavkakh. 1851–2000* [Russia at the World's Fairs. 1851–2000. In Russ.]. Moscow, 2000.

SWIFT A. *Russia and the Great Exhibition of 1851: Representations, Perceptions, and a Missed Opportunity* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 2007. Bd. 55. Hf. 2. P. 242–263.

ZARETSKAYA D. M. *Rossiya na vseimroy vystavke 1851 goda* [Russia at the Great Exhibition of 1851. In Russ.] // *Voprosy istorii*. 1986. No. 7. P. 180–185.

ZAYTSEV V. P. *Pervye vseimrye promyshlennye vystavki v Londone* [First industrial World's Fairs in London. In Russ.] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2001. No. 4. P. 188–193.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

К. В. Проничева. Организация русского отдела на Всемирной выставке в Лондоне 1851 г. // Петербургский исторический журнал. 2024. № 1. С. 207–219

Аннотация: Феномен всемирных выставок возник в 1850–1851 гг. в экономическом центре тогдашнего мира — Лондоне, и продолжается по сей день: в 2020–2021 гг. Всемирная выставка прошла в Дубае (ОАЭ), а следующая состоится в 2025 г. в Осаке (Япония). Однако золотым веком всемирных выставок считается вторая половина XIX в., от лондонской 1851 г. до парижской 1900 г. Россия приняла участие во всех крупнейших выставках второй половины XIX в., из раза в раз собирая и представляя европейской публике «русский отдел» — совокупность предметов, отражающих актуальное состояние ее промышленности, сельского хозяйства и искусств. Первый опыт организации русского отдела для международного смотра 1851 г. лег в основу всех будущих русских отделов на всемирных выставках. Как Россия пыталась «прилично» представить себя на Западе? В историографии, отечественной и зарубежной, организация русского отдела на всемирных выставках рассматривается фрагментарно, а то и вовсе не рассматривается³⁸. В данной статье на основе материалов Архива внешней политики Российской империи и Российского государственного исторического архива, впервые подробно рассмотрена работа государственных структур по организации участия России во Всемирной выставке периода империи (участие министерств, работа временных комиссий в Петербурге и Одессе, отбор экспонатов с участием министров и самого императора, участие российских чиновников в работе жюри выставки).

Ключевые слова: Всемирная выставка 1851, Всемирная выставка в Лондоне, Россия на всемирных выставках, русский отдел, Министерство финансов, Министерство государственных имуществ, Нессельроде, барон Бруннов, Каменский.

FOR CITATION

K. Pronitcheva. Organization of Russian Department at the Great Exhibition of 1851 in London // Petersburg historical journal, no. 1, 2024, pp. 207–219

Abstract: The phenomenon of the World's Fairs emerged in 1850–1851 in London, the economic center of the mid-19th century world, and continues until today: in 2020–2021, the World's Fair was held in Dubai (UAE), and the next one will be held in 2025 in Osaka (Japan). However, the “golden age” of the World's Fairs is considered to be the second half of the 19th century, from the 1851 exhibition in London to the 1900 “Exhibition of the century” in Paris. Russia took part in all major World's Fairs of the second half of the 19th century, collecting over and over and presenting to the European public the “Russian department” — a collection of objects reflecting the current state of its industry, agriculture and arts. The Russian department's

first experience of 1851 formed the basis for all future Russian departments at the World's Fairs. How did Russia try to present itself "decently" in Europe? In domestic and foreign studies, the organization of the Russian department at the World's Fairs is considered fragmentary, or even not considered at all. Based on the materials from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire and the Russian State Historical Archive, hitherto partly unexplored, the article examines in detail for the first time the work of state agencies in organizing Russia's participation in a World's Fair of the imperial period (participation of ministries, working of temporary commissions in St. Petersburg and Odessa, selection of exhibits with the participation of ministers and the Emperor himself, participation of Russian officials in the work of the Exhibition's International jury).

Key words: Great Exhibition of 1851, World's Fair, Russia at the World's Fairs, Russian Department, Ministry of Finances, Ministry of Public Domains, Nesselrode, Baron Brunnov, Kamensky.

Автор: Проничева, Карина Вадимовна — к. и. н., науч. сотр. СПбИИ РАН, Отдел Новой истории России.

Author: Pronitcheva, Karina — PhD, Research Fellow, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: kpronicheva@mail.ru